
Алексей Лишний
Витязь на распутье

Алексей Лишний

# Витязь на распутье

«Автор»
2026

**Лишний А.**

Витязь на распутье / А. Лишний — «Автор», 2026

Подарочное издание второй повести цикла "Небылины".В книгу вошла сама повесть "Три поездки Ильи Муромца" с красочными иллюстрациями и примечаниями, а также дополнительные материалы: рассказ "Илья Муромец и Идолище" и оригинальные тексты двух былин.

© Лишний А., 2026
© Автор, 2026

# Содержание

От автора 5
Три поездки Ильи Муромца 6
Глава 1 7
Конец ознакомительного фрагмента. 17

# Витязь на распутье

## От автора




Подбрось-ка ещё парочку поленьев в костёр. Да придвигайся ближе.

Слышишь, как в степи воет ветер-бродяга?

Здесь, под бездонным чёрным небом, действуют совсем другие законы. И даже ветер может рассказать нам истории.

Первая пройденная вместе тропа - лишь начало. Вторая книга **«Небылин»**увлечёт за собой глубже. Старые боги требуют внимания, забытые чудовища скребутся в ворота, а легендарные богатыри вынуждены платить непомерную цену за сделанный выбор. Ты постигнешь хронику времён, когда сталь горела на поле брани, кровь кипела, а клятвы ценились больше жизни.

Не оборачивайся на тени, что пляшут за спиной.

Наше путешествие продолжается.

Слушай, как трещит огонь, и помни: из этого леса ещё никто не возвращался прежним...

# Три поездки Ильи Муромца



# Глава 1

До леса оставалось рукой подать – плотная стена пушистых елей готова была принять беглянку, обняв ветвями. И неважно, есть там тропы или нет. Провалиться бы в надёжный ельник, как в глубокий сон, чтобы забыть о погоне.

Воздух обжигал горло при каждом вдохе. Не сушил больше – внутри него и так будто неровной кучей сложен хворост. Саднит стенки, и совсем скоро он воспламенится.

Добежать с десять саженей – и в спасительную прохладцу.

Аркан, беззвучно и стремительно опустившись на плечи, обрёк жертву на заклание.



Она упала, когда пленитель с силой дёрнул верёвку. Густые смолистые волосы разметались по ковылю, руки раскинулись в недолгом полёте.

Радостным гулом собратья одобрительно чествовали удачливого охотника.

– Ай, молодец! Твоя будет! – Первым подъехал самый старший, радостно кричал, но самый вид его плохо скрывал недовольство.

– Не нужна такая мне. Строптивая девка. Продам её. – Удачливый воин решительно бросил на землю войлочную шапку, но сам не торопился спешиваться.

– Кому продашь?

– Хочешь – тебе продам?

– А мне зачем строптивая? – потирая подбородок, украшенный редкой рыжей бородкой, торговался старший. – Некогда мне её учить…

– Может, выкупят её родные, – посоветовал кто-то сзади.

– Хватит споров! – приказал подъехавший воин в кольчуге до колен и в шлеме. – Вяжите девку – и в лагерь!

Против каменных слов простые речи не льются. Слез с коня пленитель и на всякий случай осторожно стал приближаться к неподвижно лежащей на спине девушке: мало ли что учудит! Одна тоже лежала-лежала, а потом в горло Курку зубами впилась – еле оторвали, с мясом и кровью. Рана гноиться стала и вонять. Нет больше Курка. Так-то вот…

Эта же девица недвижимо лежала. Не умерла ли? Или притворяется тоже?

Ткнул её в бок сапогом – ничего.

Взялся за кисть, приподнял, отпустил – гулко стукнулась рука о землю.

– Видно, не продать тебе её. Только зря коней гоняли, – сквозь сжатые редкие зубы выдавил старший. – Грубо ты аркан бросил. Не умеешь – не берись за дело.

Наверное, прав был он. Осталось последнее средство – кровь послушать. Она всегда правду говорит: живой человек или нет.

Опустился молодой печенег возле пленницы и сжал пальцами правой руки шею.

Стучит кровь. Жива девка!

Поднялся во весь рост, гордо плечи расправил и к старшему повернулся за обиду высказать…

Как вдруг под правое плечо ударило что-то, а из груди вылез наконечник стрелы.

Нехорошая примета.

Обернулся посмотреть, откуда стрела прилетела, но вместо этого совсем иное узрел: пленница встала цела-целёхонька, из-под рубахи достала короткий меч и…

Превозмогая боль, попробовал поднять правую руку для защиты – не успел: девица размахнулась и полоснула остриём открытую шею, так что кровь забила ключом.

Из леса в то же мгновение летели одна за другой ещё три стрелы, точно вонзившиеся в плечо старшего, кисть его спутника и колено воеводы. Боль притупила бдительность, и пленница успела подбежать к первому, чтобы воткнуть меч в живот. Старший повалился на коня – девица еле успела вытащить клинок из тела. Спутник переложил меч из раненой руки в левую и ринулся на подмогу старшему, но вдруг конь взбрыкнул и выкинул седока в поле. Тот трижды кувыркнулся по разросшимся лопухам и замер.

Поднявшись с колен после удачного удара, девица стала ждать воеводу. Тот не выдёргивал стрелу из ноги и не спешил в атаку. С тревогой посматривал на ельник, откуда больше не летели стрелы.

– Ну же! Нападай! – подначивала его поляница[1]. – Бейся со мной, разбойник! Или струсил?

Лес молчал. Видно, у помощника стрелы кончились.

Воевода снял со спины лук, достал из колчана свою стрелу. Несмотря на протестующие крики жертвы, натянул тетиву, но выстрелить не успел. Услышал свист за секунду до того, как свет померк в правом глазу, а потом и вовсе темно стало. Навсегда.

И тишина разлилась по летнему полю. Только пчёлы жужжат и стрекочут цикады.

Одна стояла над поверженными телами поляница и улыбалась. Кровавую жатву собрала она сегодня. Давно такого праздника душа не получала.

[1] Поляница (поленица, паленица) – в русских народных былинах и сказках так называли дев-воительниц.

– Спасибо. Всё-таки не в лес сходить по грибы и ягоды, а именно это мне и нужно было, – проговорила девица, поднимая глаза на приехавшего из ельника на белом коне дородного витязя с пышными усами и окладистой русой бородой, наполовину уже посеребрившейся.

– Нужно было… убивать? – испытующе спросил витязь, спешиваясь.

– Нет. Защищать людей от разбоя. Расчищать дороги… Разве сам ты не видишь в этом свой долг?

– Как ушёл со службы, я только и делал, что дороги расчищал. На одной из них, помнишь, я и с тобой повстречался, – склонив голову к конской шее, согласился с поляницей богатырь.

– Пожалел ты меня, не убил… А я бы тебя без жалости к остальным витязям в погреб отправила, коли б ты не такой умный был.

– Знаю.

– Но делала это я не по своей воле, – повторяла уже давно известное девица, проверяя содержимое седельного мешка воеводы. – И даже помню о произошедшем только по твоим рассказам.

– Знаю. Околдовали тебя. Купава уже раз сто мне про колдуна с белой бородой твердила.

– Всё это знаешь и продолжаешь думать, что я должна стать твоей суженой?

– Я верю, Златыгорка, – с опущенной головой отошёл от коня богатырь и встал рядом с поляницей. – Но первую встречу нашу я вовек буду вспоминать, как страшный сон.

В глазах девицы зажглась искорка.

– Я постараюсь сделать так, чтобы ты её позабыл, Илья. Мы многое перенесём и переживём вот так, рука об руку…

Она сделала два шага навстречу, дотронулась окровавленной ладонью до его груди в том месте, где тревожно билось богатырское сердце. Левую кисть вложила в широкую ладонь Муромца.



– Спасибо тебе за этот шанс. Ты помог мне заново родиться. Я становлюсь той, кем была когда-то, – говорила Златыгорка, прижавшись к Илье. – И я умею быть благодарной.

В бездонных глазах утопал богатырь, не смея сопротивляться. Лишь одна недосказанная мысль робко рвалась из уст наружу, поджидая удобный момент.

– Но… – начал Илья, пока Златыгорка тянулась к нему, ища приятной близости. Он не смог удержаться. Казалось, хочет девица испить его до дна – так жадно впивались её сухие губы.

Мысль же может и остаться на потом, быть погребённой вместе с печенегами, пропасть навеки…

– Я тридцать лет и три года на печи лежал, а ты… – на миг оторвавшись от поцелуя, напомнил Илья.

– А я тебя ждала, – ответила Златыгорка, не отпуская витязя.

– Но я же старик для тебя.

– Ты был женат, Илья?

– Когда бы я успел, если тридцать лет и три…

– Ну вот. А я была с мужчиной. И не с одним. В первый раз не по своей воле…

– Я найду гадину и выпотрошу его! – рассвирепев, оторвался от Златыгорки Илья и схватился за рукоять меча. – Где это было? Кто он?

– Нет его больше. Сама потом нашла, всю банду поодиночке перебила, а под конец добралась до самого осквернителя. Про внутренности это ты ещё мягко сказал… Видишь, как много нам ещё надо узнать друг про друга. Ты до сих пор продолжаешь верить в нас?

– Если не ты, Златыгорка, то никто мне не нужен.

– Значит, мы будем вместе. Несмотря ни на что.

Они обнялись и долго молчали, стоя посреди поля, рядом с четырьмя поверженными печенегами.

Жужжали пчёлы и мухи.

В ельнике звонко распевался зяблик.

***

В Пестобродье что-то случилось.

Илья и Златыгорка поняли это, едва за поворотом показался край деревни.

– Куда все пропали? – встревожилась Златыгорка.

Не так давно Пестобродье стало ей настоящим домом. С тех пор как приехал Илья…

Родители долго кочевали откуда-то с полуденных стран и земель, не могли осесть в одном месте – Златыгорка и понять не могла почему. В пятнадцать лишилась отца – погиб при набеге кочевников на село – они с матушкой спрятались в погребе. Успел, правда, обучить отец и в седле держаться, и обидчикам спуску не давать. А приехали в Пестобродье, так она сама от матушки с её новым мужем на вороном коне умчала на просторы. Жила вольной поляницей: добрым людям помогала, злых наказывала.

Но отныне с Ильёй всё стало по-другому. Не хотелось больше в поле одной. Хотелось с ним быть.

– До Купалы ещё два дня – рано праздновать. У Макара свадебка на страдник назначена – тоже рано. У его брата жена родит так вообще ближе к осени. Значит… умер кто-то, – поразмыслив об исчезнувших с улиц селянах, выдал Илья.

– Да ну тебя! – Златыгорка пнула носком лаптя богатыря по бедру и поскакала вперёд, бросив напоследок: – Ворона!

Илья улыбнулся: тревога пропала с лица его лады[2].

Впервые, наверное, он чувствовал себя на своём месте. Стал для кого-то нужным. Когда бился с врагами в дружине черниговской, просто долг отдавал. Как и все витязи. Когда ездил по стёжкам-дорожкам, силушку чёрную огнём палил, мечом срубал и конём топтал, то один только знал про себя, что дело важное делал. А никто иной и ведать не ведал, не благодарил.

А сейчас всё стало по-другому. Вон она скачет впереди, Златыгорка, его лада. Длинные волосы как мягкий шёлк. Зелёные хитрые глаза всякий раз словно в трепетном ожидании новых чудес и подвигов.

От него, конечно. Уж он ради неё горы свернёт!

Илья помчал следом.

По улочкам Пестобродья шатался один лишь неприкаянный малец. Дурачок. Лоб высокий, глаза навыкате, узкий подбородок. Отец его коротко, почти наголо стриг, чтобы вши не завелись. Любил мальчишка, как и сейчас, например, в грязи возиться: перебегал от одной лужи к другой, промокшими ногами топал, вызывая брызги до колен.

– Матушки тоже нет дома, – быстро доложила Златыгорка, вернувшись к Илье. – Куда все ушли?

– Малой, где все? – решил Илья попытать счастья у дурачка.

– Вшеш пошли в леш, – не отрываясь от беспечного занятия, отвечал крупный ребёнок, даже не посмотрев на богатыря.

– Чего ты там мямлишь? – взъярилась Златыгорка.

---

[2] Лада – любимая, возлюбленная

– Так куда все ушли? – одновременно переспросил Илья, тоже ни слова не поняв.

– В леш гворюшь, – ответил малец, сотворив фонтан из лужи до самых плеч, обрадовался, захлопал в ладоши, а потом пальцем одной из них указал нужный путь.

Илья кивком поблагодарил его и сунул в руку красную плетёную пуговицу, которую нашёл однажды на княжеском дворе в Чернигове. Мальчишка застыл, разглядывая ценный дар, и для него перестал существовать мир за пределами незамысловатых узелков и бубенца – круглого оловянного кусочка внутри пуговицы.

– Что за ребёнок такой? Говорить не обучен! – возмущалась Златыгорка. – Я в его годы в седле сидела и саблю держала. А этот мямлит. Жуёт, что ли, слова?

– Понял я его только теперь – в лес все ушли. По дороге через новый дом купеческий, – пояснил Илья. Дремучий лес окружал Пестобродье с трёх сторон, оттого и важно было, по какой улице селяне отправились. – Мы там условились встретиться утром ягоды собирать, да ты вдруг решила иначе день провести… Помнишь?

Златыгорка кивнула и снова первой умчалась, оставляя за собой тучу пыли от копыт.

Пестобродье – дальняя деревня, в стороне от важных границ и больших городов, но и здесь порой случались страшные вещи. Взять хотя бы волшбу, которую над Златыгоркой учинили. Поклялся Илья найти того колдуна и люто наказать. Его преступление заслуживает большей кары, чем те разбойники, которых он на первой дорожке повстречал…

Видимо, возраст давал о себе знать или долгие годы, проведённые на печи. Последнее время часто вот так встанет Илья наперерез летевшим навстречу событиям и погрузится в воспоминания. Но пора дать бой подступающей старости – у него же лада молодая.

Пришпорил Белогривого и погнался за красавицей-поляницей.

Проехал вдоль по широкой улице, засмотрелся на новый дом, во дворе которого хозяин установил резной Перунов кумир. По лесной тропе недолго путь держал – селян заметил возле болот, где медовая на вкус морошка растёт.

Зелёная тина начиналась с вересковых зарослей и переходила в широкие просторы, окаймлённые сосняком и мшистыми лесными берегами.

По колено в ядовито-изумрудной воде, склонившись над грудой мокрых тряпок, выла старуха. Её вой Илья слышал ещё на въезде в лес, но принял тогда за крики козодоя.



Старуха обнимала ворох тряпья, прижималась к нему, всем существом показывая, что не отдаст никому и клочка. Причитала нечто неразборчивое, хуже того самого мальчонки в луже. В полукруге от неё, чтобы не замочить ног, и стояли все пестобродцы. Один, правда, сам ещё глубже в воде находился. Костяшкой указательного пальца утирал переносицу и щёки, будто окунался недавно.

– Что здесь такое приключилось?

– Не знаю, Илья… – с тревогой ответила Златыгорка, развернувшись на коне.

– Утоп кто-то, видно, на болоте… – тихо промолвил Илья. Утренний задор вмиг рассеялся, как дым в знойном воздухе. Слез со своего белорождённого[3]богатырь и пригляделся: и точно, под грудой мокрого тряпья тело лежит. Мужчина в воде, значит, нырял за ним.

– Гостятушка моя, Гостята! – не унимаясь, выла старуха. – Вернись домой, к матушке своей! Вернись, доченька! Вернись к дитятку родному!

Селяне молча смотрели на страшную сцену. Все будто боялись прикоснуться к горю, помешать, прервать. Но никто и не уходил.

– Как всё случилось-то? Сама утопла или злодей погубил? – На правах чужака попробовал подойти Илья к страдалице, чтобы хоть как-то утешить.

[3] Белорождённая – масть лошадей, уже родившихся полностью белыми.

– Ох, уйди, уйди, пришлый, оставь меня с моей Гостятушкой. И все… Все уйдите! Покиньте нас навек! Здесь мы и схоронимся с ней. – Оторвалась старуха от тела и выпрямилась, мутные от слёз глаза её смотрели сквозь селян. – Идите по домам. Идите же!

– Перестань, мать, – пробасил мужчина, всё ещё стоявший по пояс в воде. – Люди помочь пришли.

– А не мать я тебе, Горазд, и не была ею никогда! – ощетинилась женщина, найдя на кого вылить бурлящую злобу. – Ты Гостяту мёртвой достал! Ты!

– Как же она могла под водой живой быть?! – взревел мужик и стал выходить из болота. – В своём уме, мать?

– Не в своём! Не в своём!.. – отвечала старуха, всплеснула руками и побежала к нему. На колени прямо в воду села и крепко обняла за пояс статного молодого мужчину. – Нет меня больше, Горазд. Утопла я вместе с Гостятушкой. Схорони меня с нею, милок…

– Да что ты говоришь, старая?! – Сильными руками оторвал от себя тёщу и на ноги поставил. – Про внучка хоть подумай. Я, что ль, один Булгака пестовать стану? Мальцу и трёх годочков нет.

Пока шла перепалка, пестобродцы успели горемычному семейству косточки обмыть. Услышал Илья, что жили Горазд с Гостятой не душа в душу: он блудлив был, а она – баба с характером. До побоев у них в доме часто доходило, но держали за высоким забором да под надёжным замком секреты.

Любопытство взяло богатыря и подошёл он посмотреть в лицо утопленнице. Подошёл чуть ближе – и признал. Часто приходилось ему видеть её. То она грибы да ягоды здесь же, в лесу, собирала, то по улочкам сновала с цветной калитой за поясом, а однажды так и вовсе в соседнем селе её встретил на службе церковной – вот уж диву дался. Пестобродцы новую веру не принимали, образа в углах изб не вешали.

– Хватит вам уже. Былого не вернёшь. А жить дальше надо. И вместе держаться, – вмешался один из селян, дородный мужчина в простой рубахе и льняных портах, туго стянутых гашником[4]. Он тоже вошёл в воду и встал напротив Горазда – оказалось, он вершка[5]на три его выше. Слегка наклонившись, селянин обратился к старухе. – Нельзя такими речами богов гневить. Жить надо. Больно ли, тяжко ли. У вас есть внук, есть все мы. Мы же одна семья. Все горюем по Гостяте.

Старуха разогнулась, но ни слова не сказала.

– Данило, уведи её домой, – обратился мужчина к своему брату. Коли б в толпе не слышал, Илья бы и думать не думал, что они родственники: брат словно из костей и кожи одной сделан, глаза разного цвета и ростом не вышел против богатырского вида родича. – Пойдём, бабушка, тебя проводят. Отдохнёшь, на печи полежишь.

Данило шустро подбежал, под ручки перехватил старушку и повёл, беспрестанно рыдавшую, сквозь толпу к тропинке в Пестобродье.

– Давай, Горазд, помогу тебе и Гостяту до дому донести, – обратился он к вдовцу, приглашая вернуться ближе к берегу, к телу жены. Однако тот не торопился, словно силился разгадать хитроумную загадку.

– Чего это ты рьяно помогать нам ринулся, Есений? – отряхивая слизь с правого рукава, невзначай будто бы спросил Горазд. Потом резко оторвал взгляд от мокрой рубахи и уставился в лицо помощнику, насквозь буравя хищным взглядом. – Уж не потому ли, что здесь твоя вина?

Есений опешил от нежданного напора.

---

[4] Гашник – поясок, верёвка для подвязывания верхней части штанов

[5] Вершок – мера длины, примерно 4,5 см.

– Ты не в себе от горя. Успокойся-ка. Я завтра к тебе зайду и поговорим. А пока давай не позорься перед людьми. Донесём вместе Гостяту до двора. Не отказывайся от помощи-то, пока предлагают.

– Не увиливай, Есений, – шипел Горазд, застыв на миг, словно изготовившись к броску. – Кого она поджидала здесь? Чего Гостяте на болоте понадобилось? Я так и думал, что вы полюбовнички. Ты её утопил, чтобы она молчала?!

Горазд бросился на Есения головой вперёд, выставив руки, чтобы повалить в воду, но могучий поселянин выдержал натиск и с силой ударил сверху по хребту противника.



– Поможем? – на ухо прошептала Златыгорка Илье.

– Давай, – ответил Илья. – Растащим их.

Молотил Есений спину Горазда до тех пор, пока не осел тот, лишившись последних сил. Тут подоспели Златыгорка с Ильёй. Богатырь Есению руки скрутил, а Златыгорка Горазда на ноги подняла и тоже не давала дальше в драку ринуться. Хоть тот и не рвался – на ногах еле стоял.

– Не хочешь, чтобы он, так давай я помогу твою жену домой донести! – прокричал Илья, надеясь, что побитый Горазд ещё хоть что-то понимает.

– Я её из воды сам достал. Я один её и донесу! Ясно вам всем?! – Вместо благодарности сопротивлялся помощи упёртый муж.

Думал Илья, как поступить. Не в себе Горазд. А кто такой Есений, неведомо. Но потерял Горазд жену сегодня. Ему прощать должно многое, чего не простилось бы в будний день.

– Ясно, – чуть слышно проговорил Илья. – Отпусти его, Златка. Пущай делает, что хочет.

Есений не дёргался в могучих руках богатыря, не ругался, словно всё понимал.

Златыгорка хлопнула по спине Горазда и подтолкнула к берегу. Тот медленно пошёл, всё ещё утирая ладонью переносицу. Поднял тело Гостяты, на плечо перекинул и таким же неспешным шагом отправился вслед за тёщей.

Илья отпустил Есения.

– Между нами – ни слова посторонним – была у тебя любовь с Гостятой?

– Тебе зачем знать, чужак?

– Хочу понять, отчего она умерла. Служба у меня такая – зло искоренять. Коли утопил кто её, так у меня с этим человеком разговор короткий будет.

Люди на берегу стали расходиться. Кто по домам отправился, кто к Горазду и тёще его – посочувствовать или для сплетен зёрна собрать. Одна лишь Златыгорка осталась.

– Я её не убивал, – процедил сквозь зубы Есений, всем могучим видом показывая, что разговор окончен.

– Но свидание ей назначил сегодня здесь, так? И не пришёл…

– Это ложь.

– Ложь? А я чую ложь в твоих словах, Есений. Слушай, ты мне кажешься добрым человеком. Помоги понять, что произошло. Коли не ты виновен, так всё между нами и останется.

Есений бросил косвенный взгляд на Златыгорку, потом посмотрел вслед исчезающим за поворотом тропы пестобродцам.

– Да, у нас с Гостятой была любовь. Когда-то была. Давно, в общем… Кажется, будто во сне прошлогоднем. И вот у них с Гораздом родилось дитя – малютка Булгак. И всё. Она целиком себя отдала ребёнку. Мы больше не виделись наедине. Да, я любил её… Но мы не встречались. У неё своя жизнь стала, а у меня – своя.

Слушал его Илья и даже немного жаль стало покинутого любовника. Поверил ему на слово, на плечо руку положил и посоветовал:

– Не ходи к ним домой. Не приходи и на прощание. Ты в том доме навсегда будешь лишним.

Есений покорно опустил голову.

Он давно там стал нежелательн

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.